

Не накрывайте меня пальтом

Это была последняя научная книга, которую он написал для людей.

Применительно к Корнею Чуковскому моя странная оговорка — важна, ибо он никогда не работал на кафедрах учебных заведений с необходимым посещением ученых советов и конференций, но — воспользуюсь фразой, приписываемой классику — просто «числился по России». Вослед Пушкину и Крылову, Корней Чуковский был и остается нашим национальным и самым что ни на есть народным писателем.

Конечно, это высокое звание ему обеспечили стихотворные сказки, которые читаются вслух каждому человеку, растущему с младенчества в стихии — «живого как жизнь» — русского языка. Но не только.

Он был горячим просветителем, в самом классическом смысле этого слова.

В «Живом как жизнь», как и в остальных поздних книгах Корнея Чуковского — об искусстве ли художественного перевода или о психологии малых детей, — растворен его главный парадокс, прием и принцип: писать доступно о сложном.

«Чуковеды» знают, что демократическая манера письма Корнея Ивановича, могущая кому-то показаться популяризацией, не только никогда не была таковой, но содержала в себе тщательную проработку накопленного на момент исследования сугубо научного багажа. Для книг Чуковского этот багаж всегда

оказывался чем-то вроде песка для цемента. Или — минерального удобрения для грядущего урожая.

После подготовки и проработки всегда начинались открытия.

В данном случае — языковедческие, лингвистические.

«...Я умею писать только изобретая, только высказывая мысли, которые никем не высказывались. Остальное совсем не занимает меня. Излагать чужое я не мог бы», — записал он в середине 1950-х в дневнике.

Но как именно излагать? На каком-таким языке писать об этом самом языке книгу, которую — как он мечтал, и эта мечта сбылась — должны прочесть миллионы?

Только на самом живом, как и сама жизнь.

С названием помог его великий тезка (младенцем Чуковского крестили в Николая), автор «Ревизора» и «Мертвых душ». То была статья Гоголя «В чем же, наконец, существо русской поэзии» (1846), слова из которой Корней Иванович вынес в эпиграф книги, подарив гоголевскому обороту о языке новое бытование, сделав его общеизвестным.

Жаль, что Чуковский выпустил из цитаты ее первую фразу: «Необыкновенный язык наш есть еще тайна».

В 1990 году в серии «Библиотека “Огонька”» тиражом в полтора миллиона вышел двухтомник Корнея Чуковского. То была первая за много лет попытка представить автора «Айболита» в своей профессиональной полноте: поэт для маленьких детей, психолог-лингвист, языковед и, наконец, самый яркий художественный критик первой четверти уходящего века (закрытый в этом качестве от своего читателя на долгие десятилетия).

В первый том исторически значимого собрания вошли все чуковские сказки, книга о детях «От двух

до пяти» и «Живой как жизнь». Во второй — то, что внучка Чуковского, которой он завещал наследие, назвала оборотом из 1911 года: «Критические рассказы».

Так назывался старинный, забытый сборник его статей о писателях и книгах.

Это была старая подсказка, код и ключи ко многому: соединение несоединимого.

И хотя книга «Живой как жизнь» была написана не молодым или зрелым человеком, но — старцем, на его последнее детище старый код также распространялся.

Ее самое первое издание, которому предшествовала «артиллерийская подготовка» газетными статьями «Сыпь», «Нечто о лабуде», «От споров — к делу», «Канцелярит» и другими — было напечатано в год 80-летия Корнея Ивановича.

И хотя — параллельно — в серии «Жизнь замечательных людей» вышли литературные портреты «Современники» (1962), еще через пять лет — заветное исследование «О Чехове» (1967), и уже совсем на исходе жизни — новое издание труда о Репине, именно русский язык оказался его Последним героем.

Есть старинная пословица русского народа — «Не лошадь едет, а дорога».

Только благодаря сохранившейся в архиве Чуковского заметке поэта-символиста Федора Сологуба, напечатанной в ежедневной петербургской газете «Русь» (1907), мы знаем теперь, из какого семечка выросла книга «Живой как жизнь».

«Уважаемые господа, — писал знаменитый декадент. — Позвольте мне присоединить несколько слов к приятной переписке между господами Баранцевичем и Чуковским по поводу выражения “лошадь едет”. Этот странный оборот встречается еще у Гончарова в романе “Обрыв“, если не ошибаюсь, во второй части:

одно из действующих лиц, выглянув в окно, заметило, что лошади подъехали к дому. Авторитет Толстого и Гончарова однако не делает этого выражения правильным. Лошади обыкновенно не ездят, а сами везут. Едет иногда и лошадь, если ее поставят на паром или в вагон; но чаще едет тот, кого лошадь везет. Почему у Толстого и Гончарова так сказано? Не знаю...»

Видимо, полемика между критиком Чуковским и забытым ныне прозаиком Казимиром Баранцевичем, крутилась вокруг какого-то текста графа Льва Толстого, например, вокруг сказки «Лошадь и жаба»: «Едет к этому месту лошадь с возом, старая, худая. Тяжело ей тащить воз по грязной дороге...»

Поразмыслив, что подобное построение, возможно выражает «полусознательную иронию» у современных классиков, а то и является их личным «зрительным комплексом», Сологуб заключал: «Во всяком случае и у того, и у другого знаменитого автора эти неправильности помещены в произведениях превосходных и не вредят их высоким достоинствам». А редакция газеты добавила от себя и постскриптум: «Как отрадно в наше бурное время отдохнуть на этой академической полемике».

Конечно, к 1960 годам Чуковский уже не помнил об этой истории.

Не откопалась она позднее и библиографами.

В конце 1910 года он опубликовал в газете «Одесские новости» гомерически смешную статью «Старая книга и новые слова», где страстно поведал о том, как поработал русский лингвист польского происхождения Иван Будуэн де Куртэнэ над добавлениями к третьему изданию «Толкового словаря живого великорусского языка», собранного великим лексикографом, русским датчанином Владимиром Далем. А как было не поработать, если в далеком словаре «...успела отпечат-

леться только патриархальная, закрепощенная Русь, а вся позднейшая культура, — уличная, трактирная, хулиганская, фабрично-заводская, бульварная, — совершенно в нем не отразилась?»

Прошло двенадцать лет, и в Органе Отдела Театра и Зрелищ Наркомпроса Северной коммуны в петроградской газете «Жизнь искусства» (1922) неумолимый Корней Иванович публикует статью «Новый русский язык», начинающуюся таким вот пассажем (французское, извините, слово):

«Встал бы из могилы, ну хоть Даль, и услышал бы в трамвае такое:

— Наш домкомбедчик спекульнул на косых. Даль не понял бы ни слова и подумал бы, что это воровской жаргон. Но велико было бы его изумление, когда оказалось бы, что этот воровской жаргон — всеобщий, что все только на этом жаргоне и говорят, что прежнего русского языка уже нет. Все говорят о каких-то мешочниках, танцульках... Вместо простите, говорят “извиняюсь”, вместо “до свиданья” — “пока”. И дальше, дальше: «В три-четыре года словарь Даля устарел на тысячу лет. Сколько ни перелистывай его, в нем не найдешь ни *Антанты*, ни *саботаж*, ни *буржуйки*, ни *совдепа*. А те немногие древние слова, которые еще уцелели, перекрашены в новую краску».

Затем идут восхитительные примеры.

В самом конце той петроградской статьи Чуковский заявил следующее:

«У нас есть лишь анекдоты о новых словах, но нет ни статей, ни исследований, нет даже словаря, в котором были бы возможно полнее представлены эти порождения революционной эпохи. Пусть они — уроды и выкидыши, но и уроды сохраняются в спирте. Их нужно не ругать, но сохранять. Во всяком случае о них полезно думать...»

И, предупредив читателя, что он собирается всем этим заняться, Корней Иванович указал тут же (внимание, вы не поверите!) — свой домашний адрес и попросил читателя писать ему. «...Мне нужны не столько те слова, что склеены в канцеляриях, сколько живые, бытовые, разговорные, те, которые звучат на рынке, в вагоне, в кафэ, в которых отражается не бюрократический механизм, но *живой* (выделено мной — П. К.) человек».

Так начиналась будущая последняя книга Корнея Чуковского. Очень, между прочим, живая, не зря же через каких-нибудь сорок лет под ее «гоголевским» названием будет начертано: «*Разговор о русском языке*». Именно — разговор. Ученый разговор.

Кстати, двадцать лет тому назад, столичное университетское издательство выпустило «Живой как жизнь», ориентируясь на «студентов филологических специальностей», и снабдило труд Чуковского обстоятельным предисловием легендарного Леонида Крысина, нынешнего заведующего Отделом современного русского языка и заместителя директора академического Института языкознания. В годы оны, приближающийся ныне к своему 90-летию Леонид Петрович, был талантливым аспирантом, и, вместе с покойным ныне Львом Скворцовым, активно помогал Корнею Ивановичу в работе над «Живым как жизнь».

Все ему помогали. Секретарь Чуковского, Клара Лозовская (она помогала составлять словарик к книге) вспоминала:

«Однажды Корней Иванович дал мне переписать страничку, где он высказывал суждение, что ничего худого, может быть, и не будет в том, если слово “пальто” начнут склонять по правилам русской грамматики. И тогда я, помогая ему надевать шубу, говорила:

— В этом *пальте*, Корней Иванович, вам будет сегодня жарко.

Или, когда он устраивался отдыхать на балконе:

— Я укрою вас *пальтом*.

Терпение Корнея Ивановича истощилось довольно быстро. Услышав еще раз “в этом пальте”, он выхватил из моих рук шубу и выбежал на крыльцо, погрозив мне кулаком:

— Этому не бывать!

Но свое предположение о склоняемости слова “пальто” он сохранил во всех четырех изданиях книги, подчеркнув, что “несмотря на все свои попытки защитить эту, казалось бы, совершенно законную форму, я все же в глубине души не приемлю ее. Ни под каким видом, до конца своих дней я не мог бы ни написать, ни сказать в разговоре: пальта, пальту или пальтом”».

Приезжавшие на дачу к прозаику и главному редактору журнала «Юность» Валентину Катаеву модные молодые писатели (и, как бы сказали сегодня, *крутые* стилиги) Василий Аксенов и Анатолий Гладилин, охотно просвещали старика Чуковского значением таких жаргонизмов, как «чувак» и «хилить». Не скажу, что во всех рецензиях на книгу интерес Корнея Ивановича к сленгам был одобряем. Тут надо бы поставить горестный смайлик...

Впрочем, списки новых слов стали появляться в его рукописном альманахе «Чукоккала» еще с 1920-х. В этом смысле его грандиозным «совопросником» был, конечно, Михаил Зощенко (когда-то участник руководимой им, Чуковским, Студии в петроградском Доме искусств)¹.

Завершая затянувшееся вступление, я не могу не напомнить читателю, что диагностированная Чуков-

---

¹ Пользуясь случаем, благодарно поклонюсь всем литераторам и ученым, кто в нынешнем веке, пользуясь оборотом обожаемого Корнеем Чуковским Александра Блока, писал и пишет «свежо и нервно» о приключениях русского языка, кто составляет словари новых слов и помогает сражаться с болезнями языка, кто открывает и открывает нам эту расширяющуюся вселенную: Андрею Зализняку и Максиму Кронгаузу, Вл. Новикову и Марине Королевой и многим, многим другим.

ским, вечная болезнь нашего языка, получила именно от него емкое название, которое вошло в наш язык, подобно придуманным им именам Айболит или Мойдодыр. Это, конечно, *канцелярит*.

Каждый божий день мы сталкиваемся с этим заболеванием, посещая магазины и салоны мобильной связи, слушая радио и смотря телевизор. На многочисленных *мероприятиях*, начиная от юбилейных банкетов и «последних звонков», и, кончая, простите, похоронами, — канцелярит, увы, не скудеет и цветет пышным цветом.

И, поверьте, далеко не все учителя русского языка или руководители каких-нибудь вебинаров, знают о том, кто именно придумал это привычное многим слово.

Я очень рад, что нынешние издатели этой живой книги сохранили в ней составленный когда-то Чуковским словарь — «нельзя говорить» / «надо говорить».

Конечно же, наш язык, вспомним-ка древних греков — это протей. Он непрерывно видоизменяется, движется. Сегодня вряд ли кто-то вместо слова «можешь» на полном серьезе скажет «могёшь». Или вместо слова «курами» вдруг скажет «курями».

Но вот где нам поставить ударение в словах «договор» или «искра», «каталог» или «приговор», о, нет, тут некоторым из нас еще «есть, куда расти».

«Живой как жизнь» — ведь это еще и книга-музей. Причем тоже *живой*.

Корней Иванович, помнится, пошутил в 1922 о воровских жаргонах. Несколько лет тому назад коллеги по дому-музею Корнея Чуковского показали мне его пометку на одном из томов Большой Советской Энциклопедии. Статья «Воровские жаргоны», читаю: «...ликвидация эксплуататорских классов и резкое

снижение преступности, привели к ликвидации социальной базы для возникновения воровских жаргонов».

На полях рядом с этим утверждением Чуковский поставил знак вопроса. Мы знаем, что соответствующий комментарий он выносил и на форзац, непременно указывая номер страницы. Открываю, вижу обозначенный им номер страницы, где нарисован знак вопроса. Рядом — красноречивое: «Брехня!»

На прощание — впечатление.

Недавно я входил в наш переделкинский дом-музей Чуковского, издавна славящийся живостью и непрерывным отражением личности хозяина.

Навстречу мне вываливалась толпа возбужденных младших школьников, на ходу застегивающих куртки, толкающих друг друга, и поспешно включающих свои гаджеты.

Я протиснулся на крыльцо, и, оглядываясь назад, вопросительно прокричал им, убегающим: «Ну, как, понравился ли вам дом Чуковского?!»

«Да-а-а!!! — донеслось мне в ответ восторженное. — Прикольно!»

И я подумал: вот если бы наш Корней Иванович услышал эту *живую как жизнь* оценку, он непременно взял бы карандаш и сделал соответствующую запись — в очередной рабочей тетради.

Павел Крючков,
научный сотрудник отдела ГМИРЛИ
имени В. И. Даля «Дом-музей К. И. Чуковского»

О себе

Конечно, мне не слишком-то нравится, что меня именуют одним из старейших писателей. Но ничего не поделаешь: я пишу и печатаюсь шестьдесят три года. Помню Куприна молодым человеком, еще до того, как он написал «Поединок», и юного Блока в студенческой нарядной тужурке. И мне самому удивительно, что я все еще не бросаю пера. Но не могу и представить себе, как бы я прожил хоть несколько дней без него.

Я родился в Петербурге в 1882 году, после чего мой отец, петербургский студент, покинул мою мать, крестьянку Полтавской губернии; и она с двумя детьми переехала на житье в Одессу. Вероятно, отец давал ей вначале какие-то деньги на воспитание детей: меня отдали в одесскую гимназию, из пятого класса которой я был несправедливо исключен.

Перепробовав много профессий, я с 1901 года стал печататься в «Одесских новостях», писал главным образом статейки о выставках картин и о книгах. Иногда — очень редко — стихи.

В 1903 году газета послала меня корреспондентом в Лондон. Корреспондентом я оказался из рук вон плохим: вместо того чтобы посещать заседания парламента и слушать там речи о высокой политике, я целые дни проводил в библиотеке Британского музея, читал Карлейля, Маколея, Хэзлитта, де-Куинси, Мэтью Арнолда. Очень увлекался Робертом Браунингом, Россетти и Суинберном. (Английский язык я изучил самоучкой.)

Газета перестала печатать мои письма из Лондона, далекие от злободневной тематики; ими заинтересовался Валерий Брюсов и пригласил меня в свой журнал «Весы», где я начал усердно сотрудничать.

Вернувшись в Россию, я пережил в Одессе дни броненосца «Потемкина», побывал на мятежном корабле и познакомился со многими повстанцами.

Настроения боевого подъема, которыми в те дни жила Россия, естественно, захватили меня, и поэтому, приехав в Петербург, я, под влиянием революционных событий, затеял издание сатирического журнала «Сигнал». К сотрудничеству в журнале привлек Куприна, Сологуба, Тэффи, Чюмину, Дымова, Вл. Тихонова и многих других.

После четвертого номера я был посажен в тюрьму и отдан под суд «за оскорбление величества», «царствующего дома» и т. д. Защищал меня при закрытых дверях знаменитый адвокат О. О. Грузенберг и добился моего оправдания.

Сидя в «предварилке», я стал переводить Уолта Уитмена, которым горячо увлекался.

В 1907 году мои переводы вышли отдельной книжкой в издательстве «Кружок молодых» при Петербургском университете. Переводы были слабы, но книжка имела огромный успех, так как поэзия Уитмена вполне гармонировала с тогдашними литературными веяниями.

В том же году вышла в свет моя новая (тоже незрелая!) книжка — критические очерки «От Чехова до наших дней».

Книжка разошлась очень быстро, и в течение той же зимы потребовалось новое издание, а еще через год вышло третье. Проработав больше года в мелкой прессе (худшая полоса моей писательской жизни), я сделался сотрудником «Нивы», «Речи», «Русской мысли», где поместил критические статьи о Гаршине, Федоре Сологубе, Леониде